

Рыбинские берега поэта Кублановского

КРУПНЫЙ ПЛАН

На обратном пути в Москву из родного Рыбинска по старой дружбе завернул к нам в редакцию на чашку чая лауреат Литературной премии Александра Солженицына поэт Юрий Кублановский. С ним пообщался наш корреспондент.

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Для поездки в город своего детства Юрию Михайловичу никаких особых поводов не требуется. Раз в году приезжает он к маме на могилу – там знакомый батюшка служит панихиду. Нынешний свой круг общения в городе, где он жил до поступления в МГУ, гость без всяких просьб обрисовал строчками из недавнего стиха: «Поколение стало моё седино, // И уже прорежено от и до».

Многих нет, навещает, как он говорит, дорогие сердцу могилы, но ещё остаются надёжные, верные друзья – товарищи по жизни. Назвал несколько имён, нашим читателям знакомых – основателя киноклуба «Современник» Бориса Крейна, поэта Сергея Хомутова. Подробней представил Бориса Короткова. В Московском авиационном институте Борис учился в самую «жаркую» пору хрущёвской оттепели, и каждый его приезд на каникулы в Рыбинск был для юного стиховорца глотком кислорода. Благодаря Короткову узнал стихи Пастернака, впервые услышал записи «Битлз».

– Это он открыл мне окошко в большую культуру, – сказал про Короткова Юрий Михайлович. – Навеки ему за это благодарен. Горюю, что сейчас он абсолютно одинокий человек.

Дом, где Кублановский родился и прожил до семнадцати лет, цел, но так безжалостно перестроен, что знаменитый рыбинец предпочитает обходить его стороной. Захватил он с собой один из последних номеров еженедельника «Рыбинская среда» – с перепечаткой открытого письма, посланного поэтом из эмиграции ещё в 1988 году. Оно – о судьбе архитектуры старого Рыбинска – удивительно злободневно и сегодня.

«В меру своих способностей и корысти издавались над городом, – писал он тогда, – то архитекторы-временщики, то местные бюрократы»: об исчезнувшем вдруг привычном козырьке в стиле модерн над перроном вокзала, о выскохших прудах и поломанной ограде Карякинского сада на улице Пушкина, о том, как на месте кинотеатра «Артек» (со знанием дела назвал его здание «причудливым») выстроили безликую коробку.

Двадцать лет тому назад тревожился: надо постараться сохранить хотя бы то, что не успели уничтожить, будто предчувствовал – «под новый молох перемен» может попасть то, что ещё не поздно спасти. Те мрачные прогнозы политэмигранта сбываться начали совсем скоро.

Наш собеседник перечисляет невосполнимые потери: снесена почти вся деревянная архитектура, особняки в стиле модерн, то, что якобы отреставрировано, – или откровенные новоделы, или состряпано в пику всем нормам реставрации. А новую застройку наш товарищ по чаепитию назвал «бездарной по своему безвкусию и бесстилю».

ЛЮБИМЫЕ ТРОПКИ

Есть ли у него в Рыбинске, поинтересовались мы, любимые тропки. Были и есть – «вдоль Волги, за Волгой». На машине старается приез-

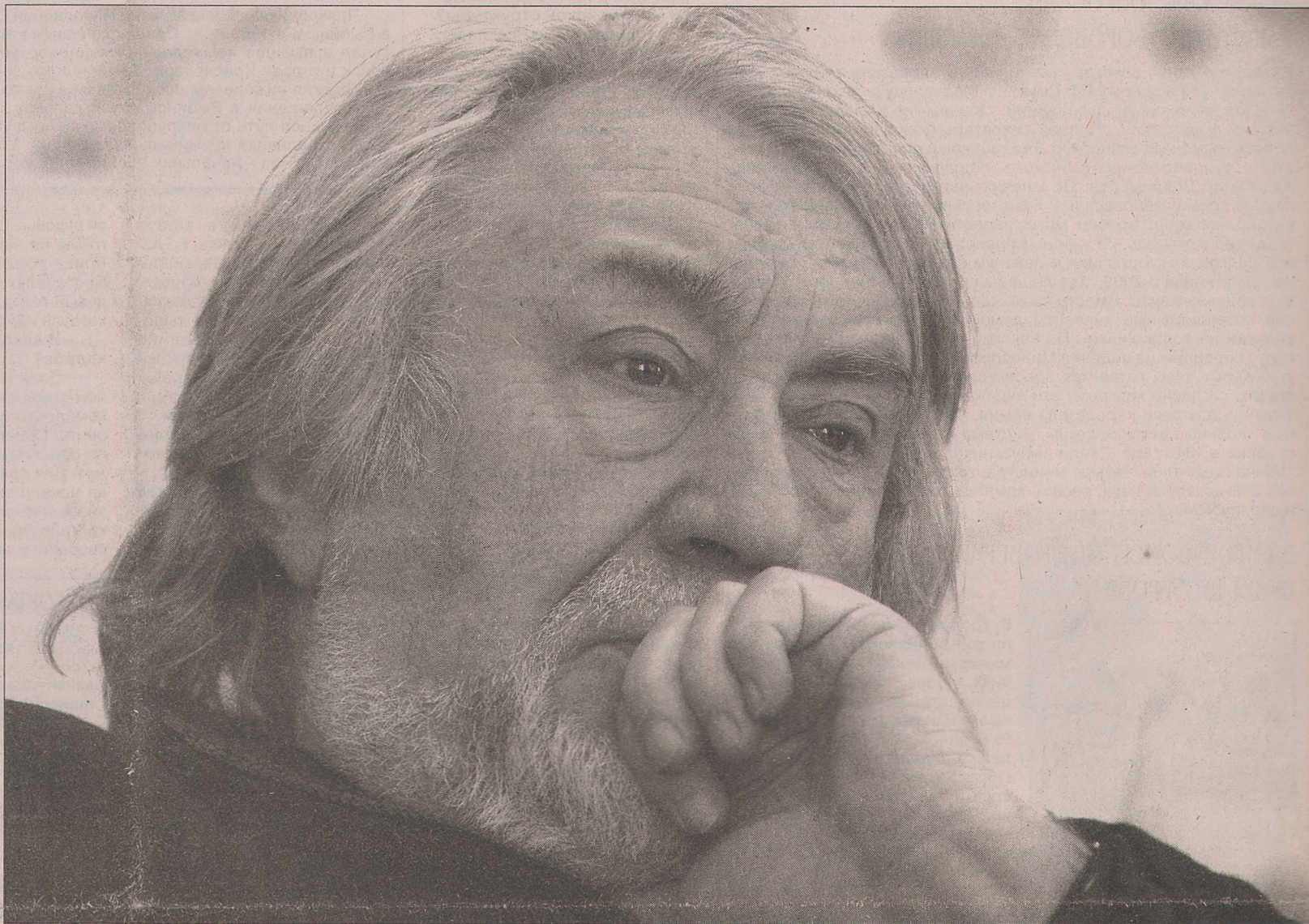

фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

жать не обычным путём, а по левобережью, там красивая и совершенно пустая дорога, деревни, где в детстве жил на даче. В город попадает с моста прямо в детство и юность – в «средостение юности». Важность темы подчеркнул этим полужабитым словом – впрочем, рабочим термином медиков и физиологов: называют так то место в грудной клетке, где находится сердце.

Разговор у нас, само собой, начистоту. Вечерами на набережной поэту становится ещё грустнее. Когда мы, к слову, вспомнили строчки из одного его рыбинского стиха – «Судя по отголоску//говора «мать-мать-мать», – автор концовку четверостишия буквально у нас с языка снял: «... нынешним отморозкам//нечего нам сказать»...

Ещё вспомнил про берега, уже в прозе: в самом начале 90-х на цоколе тогдашней Пироговской больницы, нынешнего музея, энтузиасты повесили доску с текстом о том, что здесь большевики расстреливали русских офицеров в 1918 году. Этой мемориальной надписи больше нет.

– Казалось бы, мелочь, но бьёт по сердцу, – не скрывает поэт своих чувств.

Наверное, мог бы он так сказать – бьёт по сердцу – и про всю набережную. Берег продолжает осыпаться в воду – говорят, по полметра кромки в год.

В этот приезд Кублановский был в гостях у избранного 11 октября главы города Юрия Ласточкина. Среди множества вопросов обсудили и проблему набережной – есть планы её серьёзной модернизации.

Рыбинский берег – это и память о Волголаге – и никуда от этого не деться. Два десятилетия ждут земляки поэта памятника жертвам политических репрессий. Год назад прошёл очередной конкурс проектов, победитель известен, а памятника так и нет. Углубляться в этот вопрос Юрий Михайлович не стал. Просто рассказал, как они совсем недавно с другом на машине искали «расстрельную поляну» в Селифонтове под Ярославлем.

Стрелки указателя там нет, никто из местных жителей так и не смог им вразумительно сказать, где же то место. Еле нашли – поляна была в траве по пояс.

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО

– А в Рыбинске что-то ещё можно спасти, – возвращаемся мы к теме родного города в жизни поэта. – Уничтожен всё-таки не весь центр, провинциальный модерн ещё существует, но гибнет на глазах.

Прикидывает в цифрах: сохранилась примерно одна треть старой застройки. Называет адреса домов, какие надо спасать в первую очередь – угловой, с лепниной, на пересечении улиц Пролетарской и Чкалова, несколько чудом уцелевших домов на Радищева и ещё один – «около сквера». Сразу уточняем, где это: там Лужков хотел строить гостиницу, а потом задуманное «не случилось».

Что в планах Ласточкина Кублановскому определён понравившись – его желание вернуть на прежнее место памятник государю-освободителю Александру II, а занимающую сейчас его постамент статую Ленина уважительно поставить там, где ей, собственно, и место – в устье проспекта его имени.

О солженицынских адресах Рыбинска мы в редакции тоже вкратце поговорили. Когда Кублановский в письме из Парижа спрашивал об этом самого Александра Исаевича, то выяснилось, например, что день в день с появлением будущего поэта на свет Божий – 30 апреля 1947 года – политзек Солженицын как раз был в Софийке, бывшем Софийском монастыре, на знаменитой пересылке, упоминаемой в «Архипелаге ГУЛАГ».

(Окончание на 3-й стр.)

Рыбинские берега поэта Кублановского

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

ГДЕ ОН, РУССКИЙ ПУТЬ?

Тут-то мы и выложили на стол наш заранее прибережённый козырь – публикацию «Северного края» пятнадцатилетней давности. После выхода в Рыбинске первой большой книги стихов Кублановского «Чужбинное», написанных в годы его вынужденной эмиграции (жил в Париже, потом в Мюнхене, издал три сборника, вёл на радио «Свобода» программу «Вера и слово»), автор из родного города тоже заехал в Ярославль. В Доме книги отвечал на вопросы читателей и нашего корреспондента.

Так мы и гоняли чаи дальше – с тем интервью в руках. О чём тогда его спрашивали? О том, не изменились ли у Солженицыных планы возвращения в Россию. Не изменились – таков был ответ, дескать, известна точная дата появления Александра Исаевича на Родине, в обществе, раздираемом политическими страстями (шёл 1993 год!), непременно сыграет свою миротворческую роль.

– Дело, как я теперь думаю, не в политических страстях, – продолжает давний разговор Юрий Михайлович. – Парадоксальным образом влия-

ние Солженицына сказалося не столько во внутренней, сколько во внешней политике: в XXI столетии страна нащупывает своеобразный государственный путь.

Напомнил Юрий Михайлович про то, как был у нас такой министр иностранных дел, Козырев. В дипломатических кругах называли его «мистером Yes», то есть человеком, который всегда предпочитал говорить «да». Во внешней политике нужен нам не «мистер No», а тот, кто в международных делах не будет брать под козырёк после любых пожеланий западных партнёров, а будет всегда и всюду отстаивать наши национальные интересы.

Как нам обустроить Россию? Ни одно из пожеланий Александра Исаевича, по убеждению Кублановского, не выполнено – нет ни настоящего местного самоуправления, ни реальной демократии, а вместо самоограничения пропагандируется безудержное потребление. Юрий Михайлович в своих размышлениях об этом делает жёсткий акцент:

– Жизнь России не только в 90-е годы, но и теперь развивается вопреки чаяниям как Солженицына, так и русских религиозных философов, начиная с Бердяева, Франка, Ивана Ильина. Все они гово-

рили о тех духовных и нравственных основах общества, которые у нас не блюдутся.

Свои нелицеприятные размышления о «русском пути» гость редакции закончил острым выпадом в сторону телевидения. В тот самый момент – вот его логика, – когда государство отказалось от прямой поддержки телевидения, превратив его в бизнес, оно начало зарабатывать. Всеми правдами и неправдами, в том числе и, увы, поощряя худшее, что есть в человеке. Именно телевидение, особенно его второстепенные каналы, учат, по словам Кублановского, и «отвратительному полублатному новому языку, загаженному иностранщиной, и новой потребительской морали». Через запятую оттенил мысль горькой шуткой:

– Одна Ксюша Собчак вредоноснее всего советского агитпропа.

В эмиграции на радио «Свобода» Кублановский вёл программу «Вера и слово». Как они связаны? – спросили мы, продолжая разговор о языке. Как подобает интеллектуалу и неистовому полемисту, Юрий Михайлович в ответ на наш вопрос выдал целое эссе на зависть вузовской профессуре:

– Связаны вера и слово вот как. В силу известных истори-

ческих причин наша русская литература не пережила того, что во времена Возрождения произошло с западной. Наша словесность до конца не отделена от нравственных христианских начал – в этом сила русской классики, слово в ней не разделено с верой в главенство нравственных первооснов в человеке.

Заметил в скобках: при советской власти её пытались представить как литературу чисто социальной, борьбы с самодержавием.

– А на радио «Свобода», – закругляет Юрий Михайлович свой монолог, – мы говорили об истинных духовных мотивах русских писателей, что, начиная с двадцатых годов, при большевиках замалчивалось.

ДНЕВНИКА ЕЩЁ НЕ ВИДЕЛ НИКТО

В стиле блиц поговорили и о текущих литературных делах. О прошлогоднем высоком госте ярославского фестиваля поэзии «Logo-рифмы», своим коллеге Тимуре Кибирове Юрий Михайлович отозвался так: человек он талантливый, и многие кибировские стихи ему интересны. Но в целом поэзия постмодернизма, где всё – игра и насмешка, не делает человека ни мужественнее, ни

духовно закалённее, ни, если так можно выразиться, «национальнее».

Такую поэзию, резюмировал Кублановский, хорошо олигарху на ночь почитать. Она как бы поощряет суету и immoralность его жизни.

На наш финальный вопрос, что у поэта Кублановского на рабочем столе, неожиданно получили мы в ответ сразу две эксклюзивные новости. Отправил в московское издательство «Время» с последней правкой гранки сборника «Перекличка». 5 декабря в Пушкинском литературном музее на Кропоткинской будет презентация. Для сдачи в РГАЛИ, Российский государственный архив литературы и искусства, подготовил пятый том рукописного дневника.

Ведёт его с тех пор, как в 1988 году купил в Мюнхене толстую фирменную тетрадь на несколько сотен страниц. В дневнике – жизнь в лицах и событиях, культура, политика, встречи. Есть записи на две страницы и есть – на пять строк. Включил телевизор, услышал в рекламе: «миксуй с друзьями», ну и высказал всё, что думает по поводу этой абракадабры.

Каждый том сдаёт в архив запечатанным – с условием не вскрывать до 2020 года, чтобы между записанным и

реальностью возникла «охлаждающая» дистанция. Дневника пока не видел никто. Недавно автор принял решение обнародовать из этой «энциклопедии русской жизни» записи за год 2008-й, когда ушли из жизни Солженицын и Патриарх Алексей II – один был его духовным наставником, другой – уважаемым пастырем. По компьютерной распечатке убрал «самую острую критику современности и чрезмерную злободневность». Журнал «Новый мир» планирует сенсационную публикацию на первое полугодие следующего года.

Есть ли в дневнике рыбинские мотивы, мы не спрашивали. А чтобы наши читатели убедились, что детство, юность, родной город, Волга, остаются для Юрия Кублановского незаглохим родником радости и боли, поэт не отказал нам в просьбе – прочесть на прощание что-нибудь из последней его книги «Дольше календаря».

Вот что мы услышали:
«Крепче прижавшись ухом//к голой родной земле,// той, что мне будет пухом//в холоде, как в тепле,//слышу, глотая слёзы,//как там в хвое сырой//крошится лист берёзы// маленький, золотой».

Юлиан НАДЕЖДИН.